

3

Портретами её – пестрят газеты.
Невеста наци! Барби! Дидди-мышка!
Довольно пиши ушлым репортёрам!
Крутись, ротационная машина:
газеты – в кои веки! – нарасхват.

Почти красива. Взгляд стеклянных глаз
в себя куда-то – в бездну, в черноту.
Ей 38. Много или мало?
Достаточно, чтоб выдубилось сердце,
чтоб камнем стало. Чтоб его не стало.
Что позади? Убийства. Тех, кто кожей
отличен был. Кто чуждой родословной
не вписывался в облик фатерлянда.
Кто добывал трудом себе на жизнь,
на бюргерство отстаивая право.
Кто тем и страшен был, что не просил.

Расчётлива? О да – куда уж боле!
Почти чиста – стреляла не она, –

те двое, что остались за фасадом.
Она – домоуправка, ева браун.
Опора их. В угоду ей они,
забрав с собой последнюю их тайну,
избрали смерть – как оправданье злу.

Вся в прошлом, будто в сне анабиозном,
И самый суд ей – только продолжение
той драмы, где до фарса – шаг один.
Когда бы знать: здесь жалкое позёрство! –
Но губы расползаются в улыбке,
и что-то сатанинское в глазах
вдруг проблеснёт –
лишь речь зайдёт о жертвах.

Нам в Бога верить – а не много ль фальши?
И если он лицом повернут к нам,
то сам желает он куда подальше
укрыться. И не видеть этот срам.

2013

ПОЭТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР ВИТАЛИЯ ШТЕМПЕЛЯ

Поэтическое дыхание согревает...

Оно согревает, словно сообщая новую жизнь предметам мира, давая им другие варианты звучания: световые, волшебные, и апрель, мерно входящий в данность, всегда связан с надеждою на новое течение яви:

*Согреть дыханием свирель,
И знать: могло быть хуже.
Апрель, споткнувшись о метель,
Растёкся к полдню лужей.
Продрог, бедняга, до основ –
Мальчишка, привередник, –
Зачем мне голос, если слов
Не слышит собеседник?*

Туго, как гнёзда, скручивает свои стихи Виталий Штемпель: и, наполненные разными смыслами бытования на земле, гнёзда эти раскрываются лучениями – пусть и перевитыми порой печалью: ведь так сложно быть подлинно услышанным!

Даже созидавая подлинные стихи...

Разговорно-прозаическая интонация врывается в поэтические построения, играя подробностями эмигрантской жизни, редко бывающей сахаром:

*Пишу письмо в городок Vechta.
Здравствуй, Клавдия! Как дела?
У меня всё по-прежнему. Перевожу Брехта, –
Есть в этом что-то от ремесла.
Твой голландец понравился – так.. немного.
Но, может, к подобному не готов? –
Если кит действительно проглотил Бога,*

То кто же есть мы, вылавливающие китов?

И дела, тонко опозитизированные, словно становятся лучше...

Дело поэзии – обеспечивать полёт души, пока тело влачитя по разным отсекам яви.

Отношение к Отчизне усложняется русской спецификой: однако и в том, что не проявляла она глубин жалости, поэт находит некий вариант правильности: по крайней мере, не стремится к осуждению – напротив, к оправданию:

Подобия счастья, фальшивый гастелло,

На всякий пожарный – и кнут и метла.

Отчизна, которая нас не жалела.

Но значит, иначе она не могла.

Наверно, есть в жизни иные мерила

Всему, что спешили отдать ни за грош.

Отчизна, которая нас не любила.

Но где ж её лучше на свете найдёшь?

Сложное это, очень русское, особое чувство Родины: с ним ничего не поделать, только исследовать, принимая.

Стих Штемпеля густо насыщен образностью, но – такого свойства, что сквозь называемые предметы как будто просвечивает их таинственная, тонкая сущность, позволяющая яснее уяснить их предназначение, их профили на полотнах вечности:

Геометрия домов, размытая туманом.

Латерны, признавшие свою бесполезность.

Город в медитативном трансе,

Принявший позу йога.

Хочется быть башенным краном,

Чтобы заглянуть в бездну,

Где иные миры, будто книги в ранце,

За плечами у Бога.

Поэтическая геометрия Штемпеля пространна: пространство плотно заполняется сущностными существительными, определяющими картину яви.

По осенней аллее,

В глубь её перспективы,

Ты идёшь, отражаясь

В металлических лужах.

И тебя занимает

Не игра позументов –

Геометрия листьев,

Их паденья кривая.

Стих, обходящийся без рифмы, вибрирует волокнами метафизического напряжения; мерцает таинственно двойственность яви: уж не является ли она всего лишь... отражением в неведомых лужах бытия?

Стих красив. Он четко исполнен и своеобразно артикулирован.

Разное смешивая и собирая, Виталий Штемпель творит свой словесный сад, метафизическая листва в котором излучает интересную музыку смыслов в пространство, которое, хочется верить, на сегодняшний день более благосклонно к поэзии, нежели аудитория людская...

Александр БАЛТИН

Об авторе: А. БАЛТИН родился в Москве, в 1967 году. Член Союза писателей Москвы, автор 84 книг. Стихи переведены на итальянский и польский языки, одна из статей – на болгарский язык.